

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГПУ»)**

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Молодёжные протестные движения Европы 1960-х гг.

**Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.03.05 Педагогическое образование
Направленность программы бакалавриата
«История. Английский язык»**

Проверка	на	объем	Выполнила:
имствований:			студентка группы ОФ-505/077-5-2
<u>64,29</u> % авторского текста			Родюкова Полина Алексеевна
Работа <u>рекомендована</u> к защите			
« <u>1</u> » <u>июня</u> 2017 г.			Научный руководитель:
зав. кафедрой всеобщей истории			К.и.н., доцент
			Жоров Евгений Анатольевич
			
<u>Н.Б. Виноградов</u>			

Челябинск
2017

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Общество потребления и пресыщения.....	9
Глава II. Мировой протест молодежи Великобритании	
2.1. «Новые левые» задают тон протестам.....	13
2.2. Законодательство Великобритании: от «санкции» к обыденному явлению в трансформации сознания общества.....	14
2.3. Со всем миром в унисон. Свобода слова.....	17
Глава III. Молодёжные волнения во Франции 1960-х гг.	
3.1. Феномен Шарля Де Голля.....	23
3.2. Идейные истоки протестного мышления французского студенчества...	25
3.3. Календарь «Красного мая» в Париже 1968 г.....	28
3.4. Итоги «Майской революции».....	38
Глава IV. РАФ и другие: ультралевые в послевоенной ФРГ	
4.1. Буйные студенты и городские партизаны.....	41
4.2. Политика правящих кругов в отношении молодёжи ФРГ 1960-х гг.....	44
Заключение.....	49
Список источников и литературы.....	52

Введение

Начиная с 50-х гг. XX в. в России, США, Западной Европе и странах арабского мира не прекращаются молодежные выступления и бунты. Они являются первыми этапами гражданского неповиновения и зачастую подростковые протесты переходят в революционные волнения среди самых разных слоев населения. Массовые волнения 60-х гг. XX в., по мнению многих историков, социологов и политологов, являются важным событием не только истории XX в., но и всей истории человечества.

Участие молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет в массовых волнениях 60-х гг. XX в. Было глобальным и синхронным. Молодые люди в большей степени восприимчивы к прогрессу, чем пожилые и люди среднего возраста.

К тому же, молодежь представляет собой особую социально-возрастную группу с присущими только ей особенностями: возрастные рамки, статус в обществе, особенности поведения, склонность к экстремистской деятельности и др. Один из основателей науки о развитии ребенка – педологии, американский психолог Г. Стэнли Холл в 1906 г. определял юность как «период бунта» («бури и натиска»), наполненный стрессами и конфликтами, доминантами поведения в который являются нестабильность, энтузиазм, смятение. Период юности, по его мнению, является кризисом самосознания, преодолев который человек приобретает чувство индивидуальности.

Именно Холл заставил обратить внимание научного сообщества на потенциальную силу и опасность молодого поколения.

Сформировавшееся к 1960-м гг. в Европе и Северной Америке «общество потребления» вызывало у молодого поколения отвращение и порождало ощущение пустоты и отсутствия общности. Появляющиеся в силу этого молодежные субкультуры пытаются создать «новую семью», основанную не на материальных ценностях. «Нас не любят, нам только покупают игрушки», «нельзя влюбиться в прирост промышленного

производства» [5] и другие лозунги появлялись на плакатах митингующих. Острые социальные вопросы, нежелание служить в армии, Вьетнамская война и другие постепенно политизируют молодых людей и заставляют их включиться в рабочие протесты, а затем, на волне увлеченности правительством решением проблем рабочего класса, организовать собственные революционные инициативы.

Цель работы: Изучение истории молодежных протестных движений 1960-х гг на примере ФРГ, Франции и Великобритании

Задачи:

1. Ознакомиться с причинами образования молодежных протестных движений в странах Европы;
2. Изучить события, связанные с молодежными движениями в период 1960-х гг в каждой из стран.
3. Определить общие для всех стран причины образования протестных движений и характерные особенности.
4. Разработать методические рекомендации к уроку по всемирной истории.

Объект исследования: молодежные протестные движения в Великобритании, Франции и ФРГ 1960-х гг.

Предмет исследования: Совокупность явлений во внешней и внутренней политике стран, которые стали основной причиной возникновения и массового распространения контркультурных движений по всему миру.

Проблема социального протеста является малоизученной в отечественной историографии. Данная проблематика исследовалась в основном социологами и политологами. К середине XX в. оформляется направление в социологии, глубоко и всесторонне исследовавшее проблему социальных конфликтов. Наиболее известными представителями в этом направлении были Р. Дарендорф и Л. Козер.

Р. Дарендорф, немецкий социолог либеральной ориентации, создал

теорию конфликтной модели общества исходя из того, что любое общество постоянно подвержено социальным изменениям и вследствие этого постоянно испытывает социальный конфликт[16]

Американский социолог Л. Козер обосновал личную теорию позитивно-функционального конфликта. Социальный конфликт он понимал как борьбу за ценности и претензии на определенный статус, власть и ресурсы, борьбу, в которой целями противников являются нейтрализация, нанесение ущерба или устранение противника.

Полномасштабные научные разработки вопроса социального протеста появились лишь в конце 1960-х годов XX века, когда стали анализироваться массовые молодежные акции протеста в США и Западной Европе. Зарубежная литература представлена работами Д. Дэвиса [4] и Т. Гарра [5], категория «социальный протест» рассматривается в контексте теории относительной депривации. Сторонники данного подхода под социальным протестом понимают поведение масс, возникшее как реакция на усиление чувства недовольства условиями своей жизни.

Проблематика современного социального протеста была затронута в работе американского исследователя Т. Скокпол [6]. Для объяснения революций во Франции, России и Китае она применила концепции социальной структуры и конфликта.

В 1980-е годы среди зарубежных концепций протеста особо выделяются американские теории коллективного действия и мобилизации ресурсов. Данные теории были разработаны социологами Ч. Тилли [7], Н. Смелзером [8], С. Тэрроу [9]. Согласно данным теориям наличие у группы ряда возможностей (организационных, политических, экономических) является необходимым условием для осуществления протестных действий.

Таким образом, зарубежные социологи далеко продвинулись в изучении социальных конфликтов. В исследованиях же советских ученых подчеркивалась прежде всего материально-экономическая и классовая природа конфликта, а изучалось только забастовочное движение в

капиталистических странах или дореволюционной России. Причина данной тенденции в советской историографии социального протеста заключалась в том, что в СССР господствовала марксистская концепция, которая сводилась к анализу столкновений между антагонистическими классами, а поскольку считалось, что в социалистическом обществе отсутствуют данные классы, подразумевалось, что отсутствуют и конфликты.

В советской науке нас интересует именно вторая половина 1960-х гг. – 1980-е гг., т.к. с конца 1980-х гг. и до настоящего времени отечественная историография занималась проблемой отечественных протестных движений.

В период II п. 1960-х гг. до 1980-х гг. в работах советских ученых анализировалось движение протеста в западном обществе. В результате в данных работах основополагающим принципом была критика соответствующих западных концепций и противопоставление им теории классовой борьбы. В частности, в обозначенный период в СССР исследованием тематики протеста занимались такие философы, как В.В. Большаков [11], К.Г. Мяло [12, 13], Э.Я. Баталов [14].

Необходимо обратить внимание на труды, которые входят в группу источников исследования:

- 1) Klimke, M., Scharloth, J. 1968 in Europe: A History of Protest and Activism [5]

Представляет собой краткий справочник для исследователей о протестных движениях 1960-х и 1970-х годов, эта книга охватывает историю различных национальных протестных движений, транснациональные аспекты этих движений и общие повествования и культуры памяти, окружающие их.

- 2) Вэйг, Т. Телемечтатели. Фракция Красной Армии [5]

Сжатый документальный отчет о деятельности РАФ, а так же Д2И, «Прямого действия», «Красных бригад», «Боевых коммунистических ячеек». Том Вэйг не вдаётся в идеологический анализ действий этих организаций и технические подробности

акций.

3) Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии [6]

Эссе Сартра несомненно находится под влиянием философии Хайдеггера, несмотря на то, что Сартр очень скептически относился к тому, насколько человечество в состоянии достичь осуществления того, что Хайдеггер называл встречей с Бытием.

Конечно, исследования данной тематики не ограничиваются списком литературы. В Западной историографии количество работ невозможно освятить в полной мере.

Новизна работы заключается в рассмотрении явления молодежных протестных движений с разных сторон, чтобы показать в совокупности действенность разных методов искусственного создания оппозиционных движений и управления массовыми социальными группами в условиях протестного мышления.

В процессе исследования были использованы различные принципы и методы:

1. Сравнительно-исторический метод, с помощью которого путем сравнения выявляется общее и особенное в исторических явлениях

2. Индуктивный метод, с помощью которого при рассмотрении явлений в разных странах можно сделать вывод о международном протестном движении.

3. Историко-типологический метод для выявления и анализа социально-экономических и социально-культурных признаков протестных движений.

4. Анализ, с помощью которого складывает общее понимание возникновения явления протестных волнений.

Структура квалификационной работы:

В структуру квалификационной работы входит введение, где

определена актуальность работы ее цели и задачи, выделен объект и предмет исследования, дан краткий историографический обзор и анализ источников и литературы. Так же определены методы и принципы используемые в исследовании данной темы, выделена структура работы.

Основная часть состоит из пяти глав. В первой главе представлена информация об основных причинах возникновения молодежных волнений. Вторая глава раскрывает особенности развития протестных движений в Великобритании. В третьей главе рассмотрены события шестидесятых годов во Франции. Четвертая глава освещает складывание протестных движений в ФРГ в период 1960-х гг XX в.

В пятой главе представлены методические рекомендации для составления уроков зарубежной истории по изученной теме. Первый параграф третьей главы освещает теоретические положения и рекомендации при составлении уроков, на основании нормативных документов и учебников. Второй параграф отражает практическую разработку урока.

Далее представлен список источников и литературы, используемых в данной работе.

В конце приведены основные приложения.

Глава I. Общество потребления и пресыщения

«Новые левые» – совокупность идейно-политических течений 1960 – начала 1970-х гг. в капиталистических странах, представители которых выступали с критикой теории и практики «старых левых» – коммунистических и рабочих партий, обвинявшихся в устаревших представлениях о движущих силах современного революционного движения. Словосочетание «новые левые» вошло в широкий обиход после «Письма к новым левым» Ч. Р. Миллса.

Наличие взаимосвязи между процессами глобализации и массовыми протестными движениями в работе раскрывается с помощью понятия «общество потребления». Под ним понимается такая стадия развития общественных отношений, когда «потребление охватывает всю жизнь» [9]. Сегодня «потребитель – это одна из главнейших ролей, которые люди играют в жизни». При этом современное потребление – это не столько рациональный процесс удовлетворения потребностей, сколько способ обозначения своего положения в социуме . Одновременно общество потребления – это система отношений, наиболее восприимчивая к процессам глобализации, а также наиболее непосредственно вторгающаяся не только в будничную, частную жизнь индивидов по всему миру, но и в идеальную сферу их представлений о себе и завтрашнем дне.

Изучение протестной волны 1968 г. дало толчок разработке американским социологом И. Валлерстайном мир-системного подхода. Он справедливо отмечал, что события 1968 г. являлись «мировой революцией», участники которой бунтовали одновременно против гегемонии США и ее фактической поддержки со стороны СССР, проявлявшейся в разделе «сфер влияния» между двумя сверхдержавами [20]. Уникальность событий 1968 г. состоит в том, что они продемонстрировали неожиданно высокую степень гражданской солидарности и единства в мире, разделенном на два противоборствующих лагеря. События 1968-1969 годов по-разному, но

затронули центр и периферию мировой системы капитализма, социализма, а также не обошли стороной некоторые из развивающихся стран.

С начала 1968 г. расширялась протестная волна в странах Запада (прежде всего в Великобритании, Германии, Франции, Италии, Швеции, США). Она имела несколько идеологических центров, аккумулируя недовольство различных групп, но одновременно мобилизуя новые, связанные с глобализацией и потому общие элементы самоидентификации протестующих. Одной из идеологических платформ протестной мобилизации было антивоенное движение, которое в 1968 г. проявляло себя весьма активно. Другой идеологический центр протеста в капиталистических странах, и прежде всего в США, развился благодаря деятельности афроамериканского проповедника М.Л. Кинга и вдохновленного им движения за гражданские права. Наконец, громко заявило о себе студенческое движение, наиболее интернационализованное по своему характеру. Именно оно наиболее четко выражало те изменения в личной самоидентификации, которые произошли в связи с наступлением эры товарного изобилия. Возникновение протестной волны обуславливалось рядом обстоятельств. В развитых странах в 1960-х годах сформировалось «общество изобилия». Связанные с ним перемены в образе жизни миллионов людей стали следствием постепенно набравшей силу экономической глобализации [25]. Основной протестной группой выступила молодежь, тем более что бэби-бум конца 1940-х годов обеспечил повышение ее доли среди трудоспособного населения в странах Запада. Несмотря на то что впоследствии сложилась традиция анализа причин акций 1968 г. исходя из национальной специфики каждой протестной кампании, нельзя не видеть, что многие непосредственные участники событий 1968 г. верили, что их действия были связаны с глобальным бунтом против капитализма, империализма и колониализма [18]. Если искать в событиях 1968 г. политэкономический подтекст, стоит обратиться к более подробному анализу возникшего вследствие «долгого бума» в государствах Запада общества

потребления. Его становление означало появление новых социальных отношений. Ключевая отличительная характеристика общества потребления – товарное изобилие, которое в корне меняет среду обитания индивидов. Оно воспринимается как законное, неотчуждаемое и естественное право [13]. При этом потребитель осознает отличительные формы своего поведения как свободу, стремление, выбор. «Революция изобилия» привносит вместе с собой терпимость в социальные отношения, когда идеологии, ценности и традиции становятся просто объектами обмена. Как таковой релятивизм стал важным принципом адаптации к системе и обществу потребления. С этих теоретических позиций протестная волна 1968 г. предстает как бунт против архаичных с точки зрения потребительской ментальности форм регулирования общественной и частной жизни. Существовавшие на тот момент в странах Запада образовательная система, институт брака и множество установлений, регулировавших повседневность, вплоть до моды, стали восприниматься как технологии власти в политической и частной (семейной и религиозной) сферах. 1968 год предложил миру более радикальное видение свободы. Либерализм обогатился новыми смыслами, а выбор идентичности уже не зависел от природных, семейных и социальных детерминант. Западные общества пожинали вполне реальные плоды в результате «культурной революции» 1960-х годов. Внедрение принципа равенства на рынках труда открыло дорогу более гибким подходам к их регулированию. Эмансипация молодежи также дала вполне ощутимый эффект. Трудно переоценить роль американского студенчества в разработке первых инноваций «компьютерного века». С позиции сегодняшнего дня политическая активность социальных групп, добившихся благодаря протестам конца 1960-х годов больших прав и свобод (женщины, молодежь, этнические меньшинства) заслуживает специального анализа. Прежде всего в связи с тем, что глобальный мир дает огромную свободу идентификационного выбора эмансипированным индивидам, а 1968 год остается для многих из них значимым ценностным ориентиром. Наследие

«культурной революции» [21] может определять сегодняшнее различие между западными и незападными ценностями. Оно проявляется даже на примере сегодняшней «объединенной Европы». Опросы, проведенные в ходе Европейского социального исследования в 2002-2011 годов, показывают, что сохраняются существенные культурные различия между жителями Западной и Восточной Европы. Это вполне объяснимо, если принять во внимание выступления 1968 годов. В Восточной Европе они существенно отличались по динамике, характеру и целеполаганию, фактически не затронув такие сферы жизни, как семья и религия. Между тем именно эти институты в основном оказывались мишенью критики протестующих в странах Запада. Таким образом, бунты 1968 г. стали реакцией на дефицит свободы выбора в общественных и частных отношениях. Распространяя этот подход на последующие массовые протесты, мы покажем, что с развитием глобализации видоизменяется и общество потребления, а протестная идентичность масс может складываться вокруг новых форм дефицита.

Глава II. Мировой протест молодежи Великобритании

2.1. «Новые левые» задают тон протестам.

Развитое европейское государство вступало в 1960-е гг. уже оправившееся от последствий Второй Мировой Войны, однако с набором достаточно серьезных проблем. ФРГ, Италии, Франции, Японии, США шли в ногу со временем со своей развитой государственной экономикой и экономической политикой, за которыми Великобритания не могла угнаться. К тому же затянувшийся распад колониальной империи угрожал потерей политического влияния в мире. На фоне общей картины молодежь вполне могла стать важным фактором, который будет определять будущее страны.

Бывшие участники КПВ Э. Томпсон и Д. Савилль, отрицали традиционные марксистские догмы, пытавшиеся отыскать новый путь к социализму, издавали на севере Англии журнал «Мыслитель» (Reasoner), а с 1957 г. — «Новый мыслитель» [7, р. 46–47]. В 1960 г. они объединились с единомышленниками, издававшими в Лондоне «Университеты и левое обозрение» (Universities and Left Review), чьей целевой аудиторией были студенты Оксфорда и Лондона. Их объединяло стремление найти идеологическую альтернативу «старым левым», то есть сторонникам ленинизма, троцкизма, анархизма. Одну из главных целей они видели в разработке альтернативы излишней централизации и бюрократии в управлении государством. Из их союза выросло «Новое левое обозрение» (New Left Review), ставшее наиболее влиятельным печатным органом левого лагеря в Великобритании. Таким образом, активно складывается и развивается политизация молодежи

На протяжении первой половины 1960-х гг. «новые левые», наряду с увядающей КПВ, были крупнейшими игроками левого лагеря.

Течение «Новых левых» является лишь британским феноменом, а «отцом» движения считается немецкий философ Г. Маркузе [11, с. 145–146].

Стремительное распространение протестного духа привело к тому, что именно «новые левые» играли самую заметную роль в левом лагере молодежного движения 1960-х гг.

Они были инициаторами многочисленных митингов и пикетов против войны во Вьетнаме и издали известнейший манифест 1960-х гг. в Великобритании — «Майский Манифест» [9, р. 141].

Существовали и альтернативные студенческие группы и среди них следующей по популярности после «новых левых» и кпв была «Кампания солидарности с Вьетнамом» (Vietnam Solidarity Campaign.) Организация митингов с несколькими тысячами участников, написание манифестов и самыми крупными событиями, к которым причастна эта организация, произошли в 1968 г. [7, р. 130–131].

2.2 Законодательство Великобритании: от «санкций» к обыденному явлению в трансформации сознания общества.

Молодежное движение 1960-х гг. в Великобритании находилось в своеобразной ситуации. Государство закостенело и не намерено проводить радикальные реформы. Тогда с кем в свою очередь воевала бунтарская молодежь. Студенческие движения ответственно и со всей серьезной вовевали с ветряными мельницами. В роли мельниц в реальной жизни стало законодательство Великобритании, а наличие гражданских прав и свобод, отсутствие статей, предполагающих преследование по политическим мотивам способствовало само собой снижению протестной активности.

Молодые люди придерживались мирных способов достижения своих целей и в 1960-е гг. появляются изменения в законодательстве, что привело и к раскрепощению нравов.

«Закон об абортах» [14, с. 271], согласно которому аборты стали юридически правомерными, и «Закон о планировании семьи» [14, с. 271], повлекший за собой массовое распространение средств контрацепции.

На фоне старых консервативных законов эта пара законов была мощным контрастом. Что в свою очередь вызывало волну возмущения среди старшего поколения и абсолютную поддержку среди молодых людей.

Следуя общеевропейским тенденциям был принят т.н. «Закон о разводах» [14, с. 271], значительно упрощавший процедуру расторжения брака и также ставший еще одной из характеристик нового британского общества, в котором патриархальные устои и вековые традиции рушились практически в одночасье.

Стремительный путь от «санкции» до естественного явления в обществе преодолел бракоразводный процесс в сознаниях англичан.

В 1969 г. принят «Закон о народном представительстве» [14, с. 272], согласно которому участвовать в выборах теперь можно по достижению восемнадцати лет .

Через год - «Закон о семейных отношениях» [14, с. 272], снизивший возраст совершеннолетия с 21 года до 18 лет.

Анализируя историческую ситуацию во внутренней политике с молодежью Великобритании этого периода можно выделить два направления, которые могли заинтересовать молодежь и заставить ее выразить протест.

Первым сложилось направление, основывающееся на вопросах университетской жизни, затрагивавшие такие ее аспекты, как быт (режим пропуска в общежития), представительство студентов (участие в заседаниях совета) или недовольство руководством как таковым (на примере Лондонской школы экономики, где в 1967 г. студенты протестовали против

назначения сэра Уолтера Адамса на пост директора, поскольку он был связан с режимом Яна Дугласа Смита в Родезии) [15, с. 67].

Второе направление занималось внешнеполитическими вопросами (прежде всего война во Вьетнаме), вопроса ядерного разоружения и колониальной политики.

В Великобритании так и не случилось своего «Красного мая 1968 г.» [17, с. 4–6] и не сформировалась своя собственная «Фракция Красной Армии» (Rote Armee Fraktion) [16, с. 84], спокойная молодежная политика и следование первоначальной цели «улучшить», а не «разрушить, заведомо неспособным восстановить» государство и его законодательство. Почему все произошло именно таким образом остается до сих пор открытым вопросом, вокруг которого множество споров в научном мире. Может слабые связи с «внешним миром» и, особенно, радикально-настроенными революционерами, или стоит обратить внимание, по мнению Самойлова, [новые радикалы], на наиболее вероятные причины низкого уровня протестной активности. Самойлов считает, отсутствие претензий к стабильной политической системой очевидная причина, которая как раз полностью закрывает вопрос о незначительной разрушительной силе протеста. Самое главное и необходимое в любом из развитых государств настоящего времени это обеспечить молодежь возможностью самовыражения, как это было прописано в законодательства, только с дополнением «но не свержения устоев».

Данное положение, выделенное Самойловым, как причина отсутствия радикальности, также является причиной явлений, крутящихся вокруг этого консервативного и вечно стабильного островного государства, ставшими легендой в истории протестной активности среди вечно эмоционально нестабильных подростков, завоевав сердца миллионов людей по всему миру.

2.4 Со всем миром в унисон. Свобода слова.

Протест по своей сути это неподчинение установленному порядку с образованием оппозиционного движения и моделью альтернативной политической системы, которая обязательно должна решить, как избежать старых ошибок в новом государстве, без прежних политиков с опытом управления.

Рок-н-ролл как феномен культурной и социальной революции, пиратские станции, ставшие символом обретения свободы, не смотря ни на что и «Британское Завоевание», благодаря которому рок-н-ролл стал международным и объединяющим способом выразить свое мнение, без дебатов и без цензуры.

В рок-музыке как раз выразился тот самый лежащий в основе социально-экономического и политического протеста «новых левых» и хиппи контркультурный протест. В первую очередь, ключевыми идеями которой стали идеи свободы и протеста против всего того, что ее ограничивает. «Новые левые», как и представители аполитичного крыла протестного движения, увлекались новейшими формами популярной музыки, в первую очередь рок-музыкой (The Beatles, The Rolling Stones и др.) .

Данный музыкальный жанр воспринимался как бунт против буржуазной культуры, западного общества и современной капиталистической системы в целом, так как рок-музыканты принадлежали к тому типу художников, «чья творческая спонтанность осознавалась как социальный протест» [3].

Одним из первых предупреждений о растущем недовольстве, которое рано или поздно должно было вылиться в массовые общественные протесты, стала композиция американского исполнителя Боба Дилана, написанная в 1963 г., The Times They Are A Changin' («Времена, они меняются»). В ней звучит призыв к изменению старых порядков, так как пришло время

действовать: «Придите матери и отцы / Со всей земли / И не критикуйте то, / Что не можете понять / Ваши сыновья и дочери / Больше не подчиняются вам / Ваша старая дорога / Быстро разрушается» («Come mothers and fathers / Throughout the land / And don't criticize / What you can't understand / Your sons and your daughters / Are beyond your command / Your old road is / Rapidly agin'») [15]. Большинство музыкальных композиций Б. Дилана, написанных в 1960-х гг., были посвящены темам расового угнетения, необходимости социальных изменений, угрозы ядерного уничтожения, бедности, войны во Вьетнаме.

Рок-музыка для протестующих студентов стала одной из форм протеста против «ханжеского мира взрослых», исполнительный секретарь Ассоциации организаторов концертов в колледжах и университетах в 1968 г. Фэнни Тейлор утверждала, что «более 70% выступлений профессиональных исполнителей приходится на концерты в колледжах» [8]. Рок-музыканты принимают участие в акциях, направленных против различных форм дискриминации, против войн и иных социальных катастроф, в 1960–1970-е гг. возникают такие организации, как «Рок против войны», «Рок против расизма» [13] и др.

Рок-концерты и рок-фестивали в условиях продолжающихся военных действий во Вьетнаме нередко носили антивоенную окраску, например, одним из таких музыкальных событий, призывавших к миру во всем мире, стал рок-фестиваль в Вудстоке в августе 1969 г., который прошел под лозунгом «Три дня мира и музыки» [16].

Акции протеста против войны во Вьетнаме прошли во многих городах стран Западной Европы, а антивоенная тема стала одной из наиболее актуальных в текстах рок-музыкантов во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. Так, Дж. Леннон в 1969 г. записал антивоенную композицию под названием Give Peace a Chance («Дайте миру шанс»), которая была исполнена

перед полумиллионом слушателей на демонстрации против войны во Вьетнаме в октябре 1969 г. в Вашингтоне [7], став, таким образом, своеобразным антивоенным гимном.

Следует отметить, что Дж. Леннон сыграл значительную роль в развитии рок-музыки, содействовав преодолению ее аполитичности, а также дальнейшей ее политизации и трансформации в политический рок [2].

Сам музыкант в 1969 г. проводил антивоенную кампанию, включающую действия ненасильственного характера, такие как выступления в СМИ (интервью, пресс-релизы), участие в антивоенных рок-концертах (фестиваль «Возрождение рок-н-ролла» в Канаде 13 сентября 1969 г.), проведение «постельных демонстраций» по аналогии с сидячими забастовками, а также принятие участия в демонстрациях и митингах в США против войны во Вьетнаме.

Общественно-политическая и творческая деятельность Дж. Леннона являет собой пример перехода от пассивной формы протеста, сопровождающейся эскапизмом, к активной форме борьбы в рамках леворадикальной идеологии. Это привело к соединению контркультурного бунта и политического протеста, которое выразилось в рок-композициях леворадикального толка, направленных против войны, религии, всех форм дискриминации и угнетения, буржуазной политической системы и культуры.

Молодые, жаждущие свободы самовыражения постоянно борющиеся с таким явлением как Истеблишмент - ни что иное как бунтарские события 1968 г. во Франции и ФРГ.

Истеблишмент — не политическая система и не государственный строй, не идеология. Это состояние общественной жизни, усложнившейся настолько, что официальные нормы утратили прямую, очевидную и общепринятую связь с внутренними, лично пережитыми моральными представлениями каждого, увиденное глазами людей, переживающих

подобное состояние особенно остро и болезненно, — людей с развитой индивидуальностью и потребностью в демократизме — таком, который захотел бы эту индивидуальность учитывать.

Если говорить об исполнителях, которые присоединялись к рок-движению, то в большинстве случаев сами музыканты не имели музыкального образования, некоторые из них не имели даже неполного среднего образования. Значение их деятельности для рок-н-ролла и поколения шестидесятых определялось как фундаментальное для начала становления нового общественного строя, где люди были равными в правах и их социальный статус не оправдывал надменного отношения с окружающими. «Они стали символом стремлений и разочарований, впервые вышедших на арену социальных сил, всех деклассированных, живших под сенью Бомбы, всех подростков, ненавидевших показуху и заботы о хлебе», — вспоминал современник и исследователь ранних рок-групп.

Тогда, когда позиция человека определялась его вкусом в музыке, то в Англии корпорация BBC, имела контроль над практически всеми радиостанциями. Поэтому безальтернативное вещание BBC стало предметом протеста.

Будучи монополистом корпорация BBC диктовала свои условия и пара часов поп-музыки, транслируемые в самое неудобное время недели, не могли удовлетворить музыкальный голод молодого поколения. Молодежь

Пиратская радиостанция осуществляла нелегальное радио-вещание, размещались на стоячих кораблях, баржах за границей проверяемой территории.

К 1964 году нелегальное радиовещание уже не было принципиально новым явлением. Радиопиратство, есть бунт против буржуазной культуры.

Выражен он в создании контркультуры, одной из главных составляющей которой стала и рок-музыка, вылился в развитие протестного движения, характерной особенностью которого стало резкое неприятие не столько отдельных направлений социальной, экономической, военной политики ведущих западных стран, сколько капиталистического общества и политической системы, поддерживаемой данным обществом в целом. Протестное движение студентов не вылилось в революцию и в коренное изменение политики западных стран, что было целью «новых левых», так как в 1970-х гг. происходит спад активности движения по причине взросления послевоенного поколения, а также в связи с превращением элементов протестного движения в атрибуты массовой культуры. Так, рок-музыка к концу 1960-х гг. становится «либо коммерческой, мейнстримовой музыкой, продвигаемой и упаковываемой корпоративными гигантами, либо ритуальным гедонизмом» [14].

В конце десятилетия происходит деформация аполитичного контркультурного течения и окончание пацифистской эпохи движения хиппи, причиной чего стали многочисленные смерти от употребления наркотических веществ.

Поводом же послужило убийство 18-летнего темнокожего молодого человека М. Хантера, произошедшее 6 декабря 1969 г. на концерте The Rolling Stones в Алтамонте [12], которое ознаменовало «смерть Нации Вудстока» .

Для современной политической науки рассмотрение проблемы развития протестного движения 1960-х гг. имеет большое значение в плане осмысления тех технологий привлечения широких слоев населения, которые успешно применяются западными политтехнологами в странах Восточной Европы и СНГ. Взаимодействие современной оппозиции и рок-музыкантов (организация рок-конcertов и рок-фестивалей, творческая и общественно-

политическая деятельность рок-исполнителей) преследует цель акцентировать внимание граждан на протестных акциях, проводимых оппозицией, а также стимулировать желание принять участие в данных акциях, что свидетельствует об успешно перенятом опыте студенческого движения 1960-х гг.

III Глава. Молодёжные волнения во Франции 1960-х гг.

3.1. Феномен Шарля Де Голля

Трудно переоценить личность Шарля де Голля, сыгравшего огромную роль в истории Франции. Президент Пятой республики до сих пор считается одним из самых выдающихся французских политиков. Сформировавший свое мировоззрение на идеях Бутру и Бергсона¹, де Голль считал своей основной целью вернуть Франции былое величие. Придя к власти, де Голль сумел дважды вывести страну из кризиса и добился для нее звания «сверхдержавы». Однако политические методы де Голля и жесткий авторитаризм, на котором строилась его политика, не вызвали одобрения народа, особенно среди молодежи. Десять лет плодотворного правления привели к кровавым демонстрациям, мятежу образованной элиты и смене власти. Основной общепризнанной причиной «красного мая» 1968 г. считается упущение из виду де Голлем интересов послевоенного поколения и промахи во внутренней политике. Однако в нашем понимании основным составляющим фактором стало изменение культурной атмосферы в обществе, что и явилось причиной включения молодежи в политическую систему. Изменились ценности, которые формировали нормы французского общества. Существуют различные подходы к определению понятия «ценность» в философии. Согласно типологии психолога Шалома Шварца, они подразделяются на коллективные и индивидуалистические.

Исходя из данной классификации, можно рассматривать ценности как фундаментальные принципы, формирующие поведенческие установки и мировоззрение человека, группы и, наконец, общества в целом. Огромное влияние на события «красного мая» оказали идеи экзистенциалиста Жана Поля Сартра. Бунтующую молодежь привлекла идея «тотальной свободы», однако с той оговоркой, что Сартр подразумевал под этой свободой также и ответственность человека за собственный выбор.

Возникший после Первой мировой войны как протест против бессмысленной жестокости, дадаизм оказался как нельзя кстати после

Второй мировой войны, когда произошла кардинальная смена ценностных ориентаций французской молодежи. Многие течения и идеи повлияли на умы возмущенной молодежи 1960-х гг. Большое влияние оказало ситуационистское движение, которое объединило в себе идеи дадаизма, сюрреализма и марксизма. Ситуационисты во главе с Ги Дебором отрицали рациональность, не признавали каких бы то ни было канонов, отказывались от подчинения государству и общепризнанных социальных норм и устоев. Однако большинство идей, которые были взяты за основу протестного движения, были восприняты интеллектуальной элитой Франции (образованные студенты) сквозь призму романтического бунта и трактовались с иным, удобным для зарождавшегося движения смыслом, что позволяет объединить эти идеи под общим термином «гошизм» (gaushisme). Кардинальные перемены в общей картине мира 1960-х гг. способствовали изменению системы ценностей французской молодежи. Расцвет феминизма, раскрепощение нравов, послевоенный кризис – все это способствовало отрицанию существовавших традиций. Общество требовало новой морали, правил, норм. Подводя итог, можно сказать, что неприятие внутренней политики Шарля де Голля обусловлено именно изменением культурных ценностей в новом, послевоенном обществе.

Анархизм, который зародился в умах молодого, образованного поколения, основывался не на коллективных ценностях, таких, как безопасность, традиция, конформность, благожелательность. Эти ценности стали неактуальны для нового общества, которое больше не нуждалось в установлении стабильности, социальной гармонии и благополучия. Ведь де Голль сумел не только вывести страну из кризиса, но и восстановить репутацию Французской республики, вернуть ей статус сверхдержавы. Новое поколение стало явно провозглашать те ценности, которые выражают интересы индивида. Власть – как желание предъявлять и диктовать свои собственные предпочтения. Гедонизм – как чувственная и эмоциональная раскрепощенность, наряду с удовольствием от насыщения своих

биологических потребностей. И наконец, самостоятельность – как свобода мысли и действия, возможность делать независимый личный выбор, творить так, как хочешь, и познавать то, что жаждешь. И этот крен в сторону индивидуализма не случаен. Согласно индексам, изученным по методике Хофстеда, Франция является одной из культур индивидуалистического типа.

Таким образом, закономерно, что политика де Голля, заботившегося прежде всего о величии Франции, вскоре перестала пользоваться популярностью. Противоборство «левых» и «правых» уже давно укоренилось в системе культурно-политических традиций Республики. Однако и события 1968 г., и последние выборы 2012 г. ясно демонстрируют, какие ценности на самом деле преобладают во французском самосознании.

3.2. Идейные истоки протестного мышления французского студенчества.

Когда мятежные парижские студенты в мае 68-го разбирали по камешку мостовую Бульмиша и разламывали решетки церкви Сен-Жермен-де-Пре, они воплощали в жизнь заложенный в них подсознательный проект – проект бунта. Какая-то часть, впрочем, осуществляла и сознательный проект – те, кто как следует прочитал и освоил некоторые книги некоторых авторов (после событий Мая, по свежим следам, стали выяснять, а какие же авторы были самыми почитаемыми у студентов-бунтарей? – Получился следующий набор (в порядке убывания): Сартр, Маркс, Троцкий, Альтюссер, Ленин, Камю, Фромм, Мао Цзэ-дун, Бакунин, Че Гевара). Подавляющее большинство из тех десятков тысяч, что строили баррикады и дрались с жандармами, прочитали 2–3 такие книги. Зато все смотрели кино. Совершенно конкретное, «свое»: кино «новой волны» и, в первую очередь, фильмы Жана-Люка Годара.

Когда первые фильмы «новой волны» вышли на экраны, будущим майским бунтарям было по 10–15 лет. Самое время закладывать основы мировоззрения.

Очень скоро «культовым» фильмом молодых стал фильм Годара «На

последнем дыхании». Эта лента затмила даже «400 ударов» Франсуа Трюффо, фильм, который молодые воспринимали как обличение «взрослого» мира – мира ханжеского, глупого, скучного, откровенно репрессивного и направленного против молодых (то есть юнофобского).

Годар замаскировал свою ленту под триллер и главного героя Мишеля (Ж.-П. Бельмондо) – под гангстера. Это, конечно, облегчало восприятие фильма подростком. Штамп «масскульта» (в данном случае – приключенческого кино) – герой, противостоящий всему миру (наследие романтизма, включенное в обязательный набор стандартов «массовой культуры»), закрепленный в подсознании любого подростка, в фильме прямо возвращается к своему архетипическому источнику – к героическому мифу.

На самом деле фильмом «На последнем дыхании» Годар поставил дерзкий эксперимент. Средствами кинематографа – и так, чтобы это было незаметно (иначе невозможно воздействие на подсознание!) – он решил проиллюстрировать основные положения социальной философии Сартра.

Иллюзорность внешнего мира подчеркивается технически – знаменитой операторской манерой «новой волны»: документальные кадры, ручная камера, съемки на натуре, расфокусировка, несовпадение видео- и звукоряда, ложные раккорды. Это – сплошной поток несерьезной, поверхностной, почти бутафорской жизни..

Иногда в пропагандистской смелости Годар доходит в фильме до совершенно отчаянных выходов: например, вкладывает в уста главного персонажа монолог, являющийся лишь слегка перефразированной цитатой из «Теории прибавочной стоимости» Маркса.

Эксперимент удался. «На последнем дыхании» французские подростки – будущие бунтари 68-го – смотрели раз по 5–6 (некоторые и по 10). Разумеется, они и не подозревали, что, глядя на экран и идентифицируя себя с главным героем, они впитывают социальный радикализм Сартра, Фанона и Маркса. Но именно поэтому восприятие заложенных в фильме идей было максимально полным и абсолютно некритичным.

Ближе к 1968 году Годар переходит уже к открытой пропаганде: к фильмам «Masculin/Féminin», «Две или три вещи, которые я знаю о ней», «Китайка» и «Уик-энд». В этих фильмах, снятых в последние 2 года до «майского взрыва», Годар уже напрямую показывает (исследует и одновременно популяризирует) опыт радикальной молодежной контркультуры, порывающей с современным ей буржуазным миром и переходящей в открытую политическую оппозицию. Эти фильмы уже вызывающе политичны, социологичны и ни в коем случае не предназначены для «среднего зрителя». Ткань фильмов разрывается вторжением съемочной группы непосредственно в кадр, в действие, помещением на экран революционных цитат (а то и обрывков цитат – для лучшего запоминания в соответствии с «зейнгарник-эффектом»), вплетением в ленты материалов социологических опросов и самого процесса анкетирования и т.д. У этих фильмов тщательно выбрана аудитория – бунтари 68-го до самого 68-го. Годар осознает ситуацию как рубежную, как последнюю передышку перед броском вперед.

«Французы, еще одно усилие – и вы ... революционеры!»

Намеки, экивоки, маскировка – все отброшено: зачем, кругом свои (а противник уже просто не успеет ничего сделать – нет времени). На экране – коммуны; Мао; Вьетнам; политические репрессии; буржуазный мир как мир спонтанного и немотивированного насилия; буржуазная культура как культура лжи и подавления; Брехт как символ революционной культуры и революционного театра; общество потребления как общество проституции; переход к открытой революционной пропаганде и открытому революционному насилию – как неизбежный следующий шаг.

Дальше был Май 68-го. В 68-м Годар стал инициатором и активным участником всех революционных проектов французского кинематографа – и Генеральных штатов французского кино, и Генеральной ассамблеи, и Группы им. Дзиги Вертова. Он выпускал «кинолистовки» во время майско-июньских событий, сделал фильм «Веселая наука» (запрещенный цензурой за

революционную пропаганду), он снимал нантерских студентов-бунтарей и бастовавших рабочих «Рено» («Фильм, как другие»), итальянскую контестацию («Битвы в Италии»), знаменитого Даниеля Кон-Бендита («Ветер с Востока», где Кон-Бендит был также соавтором сценария), «Роллинг Стоунз» («One plus One»). На 10 лет (именуемых обычно «десятилетием борьбы») Годар стал политическим активистом, пропагандистом, документалистом, создателем фильмов-инструкций. Подобно Сартру, признанному философскому вдохновителю Мая 68-го, ставшему участником дискуссий в захваченном студентами «Одеоне» и распространителем маоистской газеты «Коз дю пёпл», Годар влился в 1968 году в измененную реальность, в массовое выламывание в экзистенцию.

Годар воплотил в жизнь свой художественно-пропагандистский проект – в 1968-м. Он испытал уникальное счастье въяе попасть в созданную им же параллельную, экзистенциальную реальность, ощутить себя не писателем, а делателем истории. Я не знаю ни одного другого кинорежиссера, который мог бы похвастаться тем же самым.

Сегодня Годар – *pater honorabilis* мирового кино. Его демонстративно отрешенное, даже презрительное отношение к окружающему миру не должны удивлять. Представьте себе Иоанна Предтечу, дожившего до провозглашения христианства официальной религией Римской империи.

3.3. Календарь «Красного мая» в Париже 1968 г.

В ночь с 10 на 11 мая 1968 года никто в Париже не спал. Заснуть было просто невозможно. По улицам, оглашая ночь сиренами, носились машины «скорой помощи», пожарные, полиция. Со стороны Латинского квартала слышалась глухая канонада: рвались гранаты со слезоточивым газом. Целыми семьями парижане сидели у радиоприемников: корреспонденты передавали репортажи с места событий прямо в эфир. К 3 часам ночи над Латинским кварталом занялось зарево: отступавшие под натиском спецподразделений по борьбе с беспорядками – КРС (аналог нашего ОМОНа) – студенты поджигали

автомашины, из которых были сооружены баррикады.... Весь город знал, что с начала мая в Сорбонне происходят студенческие беспорядки, но мало кто ожидал, что дело примет столь серьезный оборот. Утром 11 мая газеты вышли с аршинными заголовками: «Ночь баррикад»...

А начиналось все как-то незаметно – еще осенью прошлого, 1967 года. В начале учебного года проявилось давно копившееся недовольство студентов – недовольство жестким дисциплинарным уставом в студенческих городках, переполненностью аудиторий, бесправием студентов перед администрацией и профессорами, отказом властей допустить студентов до участия в управлении делами в высшей школе. По Франции прокатилась серия студенческих митингов с требованиями выделения дополнительных финансовых средств, введения студенческого самоуправления, смены приоритетов в системе высшего образования. Больше всего студентов бесило, что им навязывают явно ненужные предметы, явно устаревшие методики и явно выживших из ума (от старости) профессоров. Но в то же время в высшей школе оказались табуированы многие важнейшие проблемы современности – начиная от равноправия полов и кончая войной во Вьетнаме.

«Мы долбим бездарные труды всяких лефоров, мюненов и таво, единственное «научное достижение» которых – то, что они стали к 60 годам профессорами, но нам не разрешают изучать Маркса, Сартра и Мерло-Понти, титанов мировой философии!»

– с возмущением писали в резолюции митинга студенты из Орсэ.

9 ноября 1967 года несколько тысяч студентов провели бурный митинг в Париже, требуя отставки министров образования и культуры и изменения правительственного курса в сфере образования. Акция протеста переросла в митинг памяти только что убитого в Боливии Эрнесто Че Гевары. Корреспондент одной из французских радиостанций, присутствовавший на митинге, с искренним изумлением передает в эфир:

«Известие о смерти Че Гевары, который пожертвовал своим

положением «человека номер два» на Кубе ради того, чтобы погибнуть в забытых богом джунглях за свободу чужой страны, пронеслось по умам студентов подобно урагану. Вот послушайте: они скандируют «Че – герой, буржуазия – дерьмо! Смерть капиталу, да здравствует революция!» – и многие при этом плачут».

Этот митинг – митинг памяти Че – организовала в зале «Мютюалитэ» троцкистская группа «Революционная коммунистическая молодежь» (ЖКР), которая сыграет затем важную роль в майских событиях.

21 ноября студенты в Нантере, городе-спутнике Парижа, осадили здание администрации и вынудили преподавателей допустить студентов до участия в работе органов самоуправления университета. В декабре во Франции прошла Неделя действий студентов, в которой участвовали студенты Парижа, Меца, Дижона, Лилля, Реймса и Клермон-Феррана. Власти постарались замолчать эти выступления, справедливо полагая, что проблемы у студентов во всей Франции – одни и те же, и рассказывать о студенческих выступлениях – значит пропагандировать «дурные примеры».

Власть неохотно шла на уступки. В результате с февраля по апрель 1968 года во Франции произошло 49 крупных студенческих выступлений, а 14 марта был даже проведен Национальный день действий студентов. Возникли новые формы студенческой борьбы. Студенты в Нантере 21 марта отказались сдавать экзамены по психологии в знак протеста против «чудовищной примитивности» читавшегося им курса. Такая форма борьбы (бойкот экзаменов или лекций) за повышение качества образования стала быстро распространяться по стране.

22 марта в Нантере студенты захватили здание административного корпуса, требуя освобождения 6 своих товарищей, членов Национального комитета в защиту Вьетнама, которые, протестуя против Вьетнамской войны, напали 20 марта на парижское представительство «Америкэн Экспресс» и были за это арестованы. Студенты сформировали неоанархистское «Движение 22 марта», лидером его стал учившийся во Франции немецкий

студент еврейского происхождения Даниель Кон-Бендит, «Красный Дани», ставший позже символом майских событий. «Движение 22 марта» ориентировалось на идеи Ситуационистского Интернационала и его вождя Ги Дебора, автора хрестоматийной сегодня книги «Общество спектакля». Ситуационисты считали, что Запад уже достиг товарного изобилия, достаточного для коммунизма, – и пора устраивать революцию «сейчас и здесь», в первую очередь – революцию повседневной жизни: отказываться от работы, от подчинения государству, от уплаты налогов, от выполнения требований законов и общественной морали. Все должны заняться свободным творчеством – тогда произойдет революция и наступит «царство свободы», учили ситуационисты.

«Движение 22 марта» быстро радикализовало обстановку в Нантере. Власти решили выявить «зачинщиков» и наводнили Нантер полицейскими агентами. Студенты сфотографировали шпииков и устроили специальную выставку фотографий. Полиция попыталась закрыть выставку, но студенты выбили полицейских из университетских помещений. 30 апреля 8 лидеров студентов были обвинены в связи с этим инцидентом в «подстрекательстве к насилию». 2 мая администрация объявила о прекращении занятий «на неопределенное время».

Так начинался знаменитый «Красный Май». 3 мая студенты Сорбонны провели демонстрацию в поддержку своих нантерских товарищей. Демонстрацию организовало «Движение университетских действий» (МАЮ) – группа, возникшая 29 марта после захвата студентами одного из залов в самой Сорбонне и проведения в нем митинга с участием членов «Движения 22 марта», а также представителей бунтующих студентов из Италии, ФРГ, Бельгии, Западного Берлина и Испании. МАЮ сыграла позже важнейшую роль в «Красном Мае», создав «параллельные курсы», на которых в пику официальным профессорам с их официальной «наукой» читали курсы лекций приглашенные студентами выдающиеся специалисты из неуниверситетской (и даже неакадемической) среды, а иногда – и сами студенты, хорошо

знавшие предмет (многие из этих студентов вскоре прославились как философы, социологи и т.п.). Лидерами МАЮ были Марк Кравец и Жан-Луи Пенину – и Марк Кравец стал вскоре одним из вождей «Красного Мая».

Ректор Сорбонны объявил об отмене занятий и вызвал полицию. КРС атаковали совершенно не ожидавших этого студентов, применив дубинки и гранаты со слезоточивым газом. Демонстрантов не разгоняли, а загоняли в угол, зверски избивали и затаскивали в «упаковки». Отступить было некуда, и студенты взялись за булыжники. Это были первые открытые столкновения студентов с КРС. Бои распространились практически на весь Латинский квартал. Силы были примерно равны: 2 тысячи полицейских и 2 тысячи студентов. Не победил никто. Столкновения утихли с наступлением темноты. Несколько сот человек было ранено, 596 – задержано.

4 мая Сорбонна – впервые со времен фашистской оккупации – была закрыта. 4-го и 5-го 13 студентов были осуждены парижским судом. В ответ студенты создали «комитет защиты против репрессий». Младшие преподаватели, многие из которых сочувствовали студентам, призвали ко всеобщей забастовке в университетах. В Латинском квартале проходили небольшие стихийные демонстрации, разгонявшиеся полицией. «Движение университетских действий» (МАЮ) призвало студентов создавать «комитеты действия» – низовые (на уровне групп и курсов) структуры самоуправления и сопротивления. Национальный союз студентов Франции (ЮНЕФ) призвал студентов и лицеистов всей страны к бессрочной забастовке.

6 мая 20 тысяч человек вышли на демонстрацию протеста, требуя освобождения осужденных, открытия университета, отставки министра образования и ректора Сорбонны, прекращения полицейского насилия. Студенты беспрепятственно прошли по Парижу, население встречало их аплодисментами. В голове колонны несли плакат «Мы – маленькая кучка экстремистов» (именно так власти накануне называли участников студенческих волнений). Когда колонна вернулась в Латинский квартал, ее внезапно атаковало 6 тысяч полицейских из КРС. В рядах демонстрантов

были не только студенты, но и преподаватели, лицеисты, школьники. На полицейское насилие они ответили насилием. Первая баррикада возникла на площади Сен-Жермен-де-Пре. Студенты расковыряли мостовую, сняли ограду с соседней церкви. Скоро весь Левый берег Сены превратился в арену ожесточенных столкновений. Со всего Парижа на подмогу студентам подходила молодежь, и к ночи число уличных бойцов достигло 30 тысяч. Лишь к 2 часам ночи КРС рассеяли студентов. 600 человек (с обеих сторон) было ранено, 421 – арестован.

7 мая бастовали уже все высшие учебные заведения и большинство лицеев Парижа. Демонстрации, митинги и забастовки солидарности перекинулись в Бордо, Руан, Тулузу, Страсбург, Гренобль и Дижон. В Париже на демонстрацию вышли 50 тысяч студентов, требовавших освобождения своих товарищей, вывода полиции с территории Сорбонны и демократизации высшей школы. В ответ власти объявили об отчислении из Сорбонны всех участников беспорядков. Поздно вечером у Латинского квартала студенческую колонну вновь атаковали силы КРС.

Вечер 7-го был началом перелома в общественном мнении. Студентов поддержали почти все профсоюзы преподавателей (только нантерская секция Автономного профсоюза преподавательского персонала филологических факультетов безоговорочно одобрила тактику репрессий), профсоюзы учителей и научных работников и даже глубоко буржуазная Французская лига прав человека. Профсоюз работников телевидения выступил с заявлением протеста в связи с полным отсутствием объективности при освещении студенческих волнений в СМИ.

8-го числа президент де Голль заявил: «Я не уступлю насилию», а в ответ группа известнейших французских журналистов создала «Комитет против репрессий». Крупнейшие представители французской интеллигенции – Жан-Поль Сартр, Симона де Бовуар, Натали Саррот, Франсуаза Саган, Андре Горц, Франсуа Мориак и другие – выступили в поддержку студентов. Французы – лауреаты Нобелевской премии выступили с аналогичным

заявлением. Студентов поддержали крупнейшие профцентры Франции, а затем и партии коммунистов, социалистов и левых радикалов.

10 мая 20-тысячная демонстрация студентов, пытавшаяся пройти на Правый берег Сены к зданиям Управления телевидения и Министерства юстиции, была остановлена на мостах КРС. Демонстранты повернули назад, но на бульваре Сен-Мишель они вновь столкнулись с КРС. Так началась «ночь баррикад». Бульвар Сен-Мишель (а он не маленький!) полностью лишился брусчатки (после Мая власти залили Бульмиш асфальтом – от греха). Студенты соорудили 60 баррикад, и некоторые из них достигали 2 метров в высоту. До 6 часов утра студентам, окруженным в Латинском квартале, удавалось сопротивляться полиции. Итог: 367 человек ранено (в том числе 32 тяжело), 460 арестовано, пострадало 188 машин.

11 числа оппозиционные партии потребовали срочного созыва Национального Собрания, а испуганный премьер Жорж Помпиду выступил по ТВ и радио и пообещал, что Сорбонна откроется 13 мая, локаут будет отменен, а дела осужденных студентов – пересмотрены. Но было уже поздно: разгон полицией «маленькой кучки экстремистов» превратился в общенациональный политический кризис.

13 мая Франция была парализована всеобщей 24-часовой забастовкой, в которой участвовало практически все трудоспособное население – 10 миллионов человек. В Париже прошла грандиозная 800-тысячная демонстрация, в первом ряду которой шли руководитель Всеобщей конфедерация труда (ВКТ) коммунист Жорж Сеги и яростный обличитель коммунистов анархист Кон-Бендит. Сразу после демонстрации студенты захватили Сорбонну. Они создали «Генеральные ассамблеи» – дискуссионные клубы, законодательные и исполнительные органы одновременно. Генеральная ассамблея Сорбонны объявила «Парижский университет автономным народным университетом, постоянно и круглосуточно открытым для всех трудящихся». Одновременно студенты захватили Страсбургский университет. В крупных провинциальных городах

прошли многотысячные демонстрации солидарности (например, в Лионе – 60-тысячная, в Марселе – 50-тысячная).

14 мая рабочие компании «Сюд-Авиасьон» в Нанте захватили – по примеру студентов – предприятие. С этого момента захваты предприятий рабочими стали распространяться по Франции как эпидемия. Там, где предприятия не захватывались, рабочие «просто» объявляли забастовку.

15-го студенты захватили театр «Одеон» и превратили его в открытый дискуссионный клуб. 16-го числа студенты навели некоторый порядок в Сорбонне, которую за два дня анархисты превратили в грандиозный свинарник. Сорбонной стал управлять оккупационный комитет из 15 человек. Впрочем, по требованию анархистов, боровшихся с «угрозой бюрократического перерождения», состав комитета каждый день полностью обновлялся, и потому комитет почти ничего всерьез сделать не успевал.

Вся Сорбонна, весь «Одеон» и половина Латинского квартала оказались заклеены плакатами, листовками и расписаны лозунгами самого фантастического содержания. Иностранные журналисты, раскрыв рты, табунами ходили и записывали лозунги «Красного Мая»:

«Запрещается запрещать!»,

«Будьте реалистами – требуйте невозможного! (Че Гевара)»,

«Секс – это прекрасно! (Мао Цзэ-дун)»,

«Воображение у власти!»,

«Всё – и немедленно!»,

«Забудь всё, чему тебя учили, – начни мечтать!»,

«Анархия – это я»,

«Реформизм – это современный мазохизм»,

«Распахните окна ваших сердец!»,

«Нельзя влюбиться в прирост промышленного производства!»,

«Границы – это репрессии»,

«Освобождение человека должно быть тотальным, либо его не будет совсем»,

«Нет экзаменам!»,
«Я люблю вас! Скажите это булыжникам мостовых!»,
«Всё хорошо: дважды два уже не четыре»,
«Революция должна произойти до того, как она станет реальностью»,
«Быть свободным в 68-м – значит творить!»,
«Вы устарели, профессора!»,
«Революцию не делают в галстуках»,
«Старый крот истории наконец вылез – в Сорбонне (телеграмма от доктора Маркса)»,
«Структуры для людей, а не люди для структур!»,
«Оргазм – здесь и сейчас!»,
«Университеты – студентам, заводы – рабочим, радио – журналистам, власть – всем!».

Тем временем студенты захватывали один университет за другим. Число захваченных рабочими крупных предприятий достигло к 17 мая полусотни. Забастовали телеграф, телефон, почта, общественный транспорт. «Франция остановилась».

18 мая, прервав свой визит в Румынию, в страну вернулся де Голль. 20 мая число бастующих достигло 10 миллионов, на заводах возникли «комитеты самоуправления» и «комитеты действия», не контролируемые официальными профсоюзами, в провинции начала складываться совершенно феерическая система распределения товаров и продуктов рабочими комитетами – нуждающимся, бесплатно. 21–22 мая в Национальном Собрании обсуждался вопрос о недоверии правительству. Для вотума недоверия не хватило 1 голоса!

22-го власти решают выслать из Франции Кон-Бендита. В ответ студенты устраивают с 23 на 24 мая в Латинском квартале «ночь гнева» (или «ночь мятежа» – «*nuit d'émeute*» можно перевести и так), повторив баррикадные бои. Запылала Парижская биржа. 24-го де Голль выступает с обещанием провести референдум об участии рабочих в управлении

предприятиями (позже он от этого обещания откажется).

25-го в Министерстве социальных дел на рю Гренель начались трехсторонние переговоры между правительством, профсоюзами и Национальным советом французских предпринимателей. Выработанные там «Гренельские соглашения» предусматривали существенное увеличение зарплаты. Однако ВКТ была не удовлетворена уступками правительства и предпринимателей и призвала к продолжению забастовки. Социалисты во главе с Франсуа Миттераном и леваки восприняли «Гренельские соглашения» как «удар в спину революции». На стадионе Шарлети они собирают грандиозный митинг, где осуждают ФКП, профсоюзы и де Голля и требуют создания Временного правительства.

29 числа, в день чрезвычайного заседания кабинета министров, стало известно, что бесследно исчез президент де Голль. Страна в шоке. Лидеры «Красного Мая» призывают к захвату власти, поскольку она «явно лежит на улице». 30-го де Голль появляется и выступает с крайне жесткой речью, сообщив одновременно о роспуске Национального Собрания и о проведении досрочных парламентских выборов. Позже стало известно, что де Голль тайно летал в Баден-Баден, где располагался штаб французского военного контингента в ФРГ, и вел переговоры с военными. Затем он провел такие же переговоры в Страсбурге. Правда, что сказали де Голлю генералы – до сих пор никто не знает.

В тот же день воспрявшие духом голлисты проводят 500-тысячную демонстрацию на Елисейских полях. Испуганные буржуа скандируют «Верните наши заводы!» и «Де Голль, ты не один!». Это – начало конца «Красного Мая». Многие предприятия еще будут бастовать недели две. В начале июня профсоюзы проведут новые переговоры и добьются новых экономических уступок, после чего волна забастовок спадет. Предприятия, захваченные рабочими, начнут «очищаться» силами КРС – как, например, заводы «Рено».

Студенты пытались наладить с оккупированными предприятиями

связь и взаимодействие. Забастовщики и студенты дали правительству арьергардный бой во Флине, где располагались цеха «Рено». Рабочие «Рено-Флин» отказались признать «Гренельские соглашения». Правительство окружило Флин тысячами жандармов. Позже это было названо «Флинским противостоянием». 17-летний лицеист-маоист Жиль Тотэн, связной между студентами и оккупировавшими Флин рабочими, спасаясь от преследовавших его жандармов, утонул в Сене. Рабочие Флина поклялись над его могилой отомстить жандармам. Озлобленные смертью товарища, студенты под пение «Интернационала» вновь соорудили в Париже баррикады и несколько часов сражались с КРС. Был полностью разгромлен комиссариат полиции на рю Перрон.

12 июня власть перешла в наступление. Были запрещены основные левацкие группировки, Кон-Бендит был выслан в ФРГ. 14 июня полиция очистила «Одеон» от студентов, 16-го – захватила Сорбонну. 17 июня возобновили работу конвейеры «Рено».

23 и 30 июня прошли (в два тура) парламентские выборы. Испуганный призраком революции, «средний класс» дружно проголосовал за де Голля.

3.4. Итоги «Майской революции».

В первую очередь, потому, что в мае 1968 года «внезапно», из мелкого инцидента в Нантере, причем не во время экономического кризиса, а наоборот – во время экономического процветания, впервые в европейской истории стремительно развился общенациональный кризис, вылившийся в революционную ситуацию. Это заставило многих понять, что изменилась сама социальная структура западного общества.

Во-вторых, потому, что «Красный Май» изменил моральный и интеллектуальный климат в Европе – и в первую очередь, во Франции. Вплоть до наступления эпохи неолиберализма и «новой консервативной волны» начала 80-х быть правым, любить капитализм считалось неприличным. Первая половина 70-х, осененная отсветом «Красного Мая»,

оказалась лебединой песней западноевропейской интеллектуальной и культурной элиты. Все сколько-то стоящее в этой области, как грустно признают сегодня на Западе, было создано до 1975–1977 годов. Все, что позже, – либо деградация, либо перепевы...

Чего же добились студенты? Во-первых, демократизации высшей и средней школы. Во-вторых, разрешения политической деятельности на территории университетов и студенческих городков. В-третьих, повышения социального статуса студента. В-четвертых, принятия «Закона об ориентации», который координировал действия высшей школы с непосредственными запросами экономики – и таким образом снижал риск безработицы для выпускников. В-пятых, ликвидации (пусть временно) психологической пропасти между студентами и рабочим классом. В-шестых, подрыва имиджа «сильного человека» де Голля. В апреле 1969-го де Голль внезапно уйдет в отставку, построенный им «режим личной власти» прекратит существование.

Что стало с бунтарями Мая позже? Спустя 25 лет этим вопросом задались авторы телефильма «Поколение». Оказалось, те, кто был активен в мае 68-го, остались активными и позже. Они ярко проявили себя в литературе, искусстве, науке, политике, журналистике, бизнесе. Во Франции «милитант Мая» (активист майских событий) – как знак качества: работодатели охотно таких берут – значит, человек активный, не боящийся принимать самостоятельных решений. Если «милитант» посидел в тюрьме – еще лучше: значит, не трус и не боится брать ответственность на себя. Незаменим как менеджер. Примеры бывают удивительные. Студент-бунтарь Эммануэль Дешелетт по кличке «Длинный», которому приписывают авторство модного у «зеленых» лозунга «Думай глобально – действуй локально!», стал крупнейшим предпринимателем, владельцем нескольких заводов. А вот те из молодых, кто вел себя в мае 1968-го тише воды, так никем и не стали.

Глава IV. РАФ и другие: ультралевые в послевоенной ФРГ

С 1960-х гг. Федеративная Республика Германия считается государством с одним из наиболее многочисленных и активных леворадикальных движений в Европе. Начало 1960-х годов отметилось бурными студенческими волнениями, сотрясавшими всю Западную Европу. ФРГ не стала исключением — здесь на улицы выходили многотысячные демонстрации студенческой молодежи, тон на которых задавали ораторы и пропагандисты ультралевых группировок.

На основе «новых левых» 1960-х гг. сформировалось знаменитое автономное движение. Еще в 1980-е годы социологи и политологи рассуждали о постепенном закате немецких леваков, но через 10 лет им пришлось изменить свои взгляды на политическую ситуацию в стране. Начиная с середины 1990-х в ФРГ наблюдается относительный подъем леворадикального движения. В основе этого подъема, безусловно, лежит целый ряд факторов социально-экономического характера.

Первый фактор — последствия воссоединения с ГДР. Жители последней в материальном отношении были обеспечены гораздо хуже, чем их соотечественники из Западной Германии, вдобавок на востоке гораздо сильнее оказалась безработица. Это привело к внутренней миграции из экс-ГДР в западную половину страны.

Во-вторых, очень актуальна проблема миграции и ее последствий для немецкого общества. Сейчас в ФРГ проживает несколько миллионов эмигрантов из Турции — турок и курдов, причем многие из них принадлежат к турецким или курдским леворадикальным организациям. В Германии находятся крупнейшие в Европе представительства турецких и курдских леворадикальных групп, в том числе и вооруженных организаций Курдской рабочей партии и Турецкой марксистско-ленинской партии.

Еще одной причиной, вызвавшей рост леворадикальных настроений среди собственно западногерманской молодежи, стало усиление политических позиций ультраправых партий. Рост влияния националистов

вызывает ответную реакцию со стороны той части немецкого политического спектра, которая ориентирована на леворадикальные идеи, представляющие в настоящее время скорее своеобразную хард-вариацию либеральной идеологии: антифашизм, интернационализм и толерантность, гуманизм, экологизм, поддержка сексуальных и национальных меньшинств.

Рассматривая социальный состав немецких ультралевых, можно прийти примерно к тому же выводу, к которому в свое время пришел известный социолог Франкфуртской школы Герберт Маркузе — в условиях современного общества ведущее место в революционной борьбе займет не пролетариат, а т.н. «аутсайдеры», к которым он относил как молодую интеллигенцию и студенчество, так и деклассированные элементы, иностранных эмигрантов, национальные и сексуальные меньшинства. Кроме студенческой молодежи и радикальных интеллигентов, в рядах немецких левых немалую долю составляют безработные молодые люди, как правило, выходцы из восточногерманских федеральных земель.

Доля турецких, курдских или арабских эмигрантов в собственно немецких ультралевых группах невелика, поскольку последние имеют свои многочисленные организации, также действующие на территории Федеративной Республики. Что касается «центров» леворадикального движения, то к таким традиционно относят Берлин (в особенности ту его часть, которая раньше именовалась Западным Берлином), Франкфурт-на-Майне, Мюнхен.

4.1. Буйные студенты и городские партизаны

Непосредственным предшественником современного немецкого леворадикального движения можно считать движение «новых левых», получившее широкую известность в связи с массовыми студенческими волнениями в Европе в конце 60-х годов (пик пришелся на 1967-68) и последовавшей за ними волне городского терроризма немногочисленных ультралевых групп.

Появление движения «новых левых» приходится на конец 1950-х —

начало 60-х годов, когда в среде студенческой молодежи получили широкую известность теории Франкфуртской школы, философа-экзистенциалиста Ж.П.Сартра и американского «критического социолога» Ч.Р.Миллса. Просоветские компартии обвинялись новыми левыми в оппортунизме и предательстве коммунистических идеалов, поэтому вскоре символами движения стали Троцкий и Мао Цзэдун. Параллельно возник интерес и к подзабытым работам Прудона, Бакунина, Кропоткина и других теоретиков анархизма. Леворадикальные идеи получили особое распространение в университетских центрах.

Крупнейшей организацией леворадикальной студенческой молодежи ФРГ в 1960-х стал Социалистический союз немецких студентов (СДС). Первоначально СДС существовал как молодежная (студенческая) организация при Социал-демократической партии Германии. Однако в 1960 СДС был исключен из партии и фактически перешел на позиции «нового левого» движения. Это «полевение» во многом было вызвано и деятельностью леворадикального журнала «Конкрет», издававшегося Клаусом Райнером Реллем и его супругой Ульрикой Майнхоф. Руководство деятельностью СДС осуществляли Руди Дучке, Берндт Рабель и Юрген Краль. Но подлинным лидером Социалистического союза немецких студентов был все же один Руди Дучке (1940-1979). Студент — философ из Свободного университета Западного Берлина, Дучке изучал марксизм и экзистенциализм, а в 1962 г. основал «Подрывное действие» — немецкую секцию Ситуационистского интернационала (французской радикальной художественно-политической организации, созданной философом Ги Дебором и группой его единомышленников). Во время студенческих выступлений Дучке получил всегерманскую и даже всеевропейскую известность как блестящий оратор и организатор.

Вторым после СДС центром западногерманского левого радикализма стало коммунарное движение. В конце 1960-х годов Германию, как и другие западные страны, буквально захлестнул настоящий бум коммун, совпавший с

расцветом движения хиппи. Крупнейшие коммуны действовали в Западном Берлине и в Мюнхене. Западноберлинские хиппи создали Коммуну № 1. РАФ и другие: ультралевые в послевоенной ФРГ Из Коммуны № 1 берет свое начало практически весь леворадикальный терроризм ФРГ 1970-х годов. Организаторами Коммуны № 1 были деятели контркультуры Фриц Тойфель и Райнер Лангханс, постоянные участники хэппенингов и альтернативных фестивалей. Вопреки расхожему мнению, обитавшие в Коммуне № 1 хиппи питали интерес не только к наркотикам, групповому сексу и рок-концертам, но и к политическим акциям. Впоследствии из Коммуны № 1 вышли «отцы-основатели» Фракции Красной Армии, включая Андреаса Баадера.

Поводом к переходу немецких ультралевых к террористическим действиям стало убийство 2 июня 1967 года на демонстрации против визита иранского шаха 23-летнего студента Бенно Онезорга, вызвавшее бурю возмущения среди радикальной молодежи. А после того, как 12 марта 1968 полицией был убит Карл Кунц, покушавшийся на крупного бизнесмена, новые левые решили от демонстраций перейти к более экстремистским действиям.

2 апреля 1968 года Андреас Баадер, Гудрун Энслин, Торвальд Проль и Хорст Зонляйн взорвали бомбу в одном из магазинов во Франкфурте-на-Майне. Эту дату можно считать началом истории городской партизанской войны, которую немецкие ультралевые развернули против властей ФРГ. В 1970 Баадер, Энслин и примкнувшие к ним адвокат Хорст Малер и журналистка Ульрика Майнхоф создали группу Фракция Красной Армии, ставшую самой известной террористической организацией современной Германии. В идейном отношении РАФ ориентировалась на маоизм и рассматривала свою деятельность как часть всемирной вооруженной борьбы против империализма. Террористическую деятельность РАФ рассматривала как средство пробуждения революционной активности трудящихся масс и ставила конечной целью превращение «революционного ядра» в красную армию и создание красных армий в мировом масштабе.

Идеологической основой деятельности РАФ маоистская концепция о противостоянии мировой деревни (т.е. стран третьего мира и национально-освободительных движений) и мирового города (т.е. капиталистической системы). Несмотря на широкий размах деятельности, численность РАФ не превышала 200-300 человек (в отличие, скажем, от близких по духу итальянских Красных бригад, в которых состояло несколько тысяч радикалов), основную массу составляли либо выходцы из достаточно обеспеченных семей средней и крупной буржуазии, либо деклассированные элементы и богема. Исследователи говорят, по меньшей мере, о «трех поколениях» РАФ. Почти все деятели «первого призыва» были арестованы или погибли еще в 70-х (до наших дней из четверки «исторических лидеров» РАФ дожил только Хорст Малер, который отошел от левого движения и состоит в либеральной Свободно-демократической партии).

4.2. Политика правящих кругов в отношении молодёжи ФРГ в 1960-х гг.

В 60-е гг. в связи с подъемом молодежного движения активизируются исследования различных групп и проблем молодежи. На базе этих исследований определяются перспективные задачи молодежной политики и принципы работы партий с молодым поколением.

Одним из важнейших рычагов государственно-монополистического воздействия на формирование мировоззрения западногерманской молодежи является разветвленная система «политического образования». Оно является обязательным учебным предметом и дополняется внешкольным «политическим образованием», осуществляемым молодежными и профессиональными союзами, клерикальными организациями и особенно средствами массовой информации.

Активные выступления молодежи в 60-е гг. побудили ведущие партии более интенсивно заняться ее проблемами. У СДПГ поворот в сторону активной молодежной политики произошел в период участия ее в правительстве «большой коалиции» (1966— 1969 гг.). В этом отношении она

опередила другие политические партии страны, что в немалой степени способствовало росту ее влияния в последующие годы. Причин такого поворота можно назвать несколько.

Во-первых, руководство СДПГ стремилось нейтрализовать те неблагоприятные для ее влияния на молодежь последствия, которые имело вхождение партии в коалицию с христианскими демократами; во-вторых, идеологи и практики СДПГ смогли своевременно заметить нарастание политической активности молодежи в этот период и учесть некоторые ее требования; в-третьих, руководство партии признавало необходимость омоложения ее состава; в-четвертых, неуклонное сокращение разрыва в числе голосов, поданных на выборах в бундестаг, между СДПГ и христианскими демократами открывало перед социал-демократами реальную перспективу взятия власти в руки в ближайшее время — добиться этой цели их руководители рассчитывали за счет привлечения на свою сторону молодых избирателей. Представители СДПГ в определенной мере стали поощрять критические выступления молодежи, направлять внимание на частые недостатки, а затем, направляя некоторые из них, убеждаться в способности современного западногерманского общества к «качественному» изменению.

Лидеры партии отказываются от формирования у подростков и молодежи явно приукрашенных представлений о капиталистическом обществе. На первый план выдвигаются попытки дать им «более реалистический образ», не отменяющий, однако, признания их как единственно возможных и «гуманных». Так, выступая в «молодежных дебатах» в бундестаге в октябре 1967 г., депутат СДПГ Г. Лиер отмечал, что в «политическом образовании» отсутствует четкая концепция общественно-политического развития. Нужно, по его мнению, показать «цели, образы и представления о том, к чему должно стремиться общество и молодое поколение» и «... намечать пути, по которым мы можем пойти дальше».

В ходе этих дебатов фракция СДПГ весьма активно ставила вопрос о необходимости решения социально-экономических проблем молодежи

(развитие системы дошкольного воспитания, улучшение положения сирот, умственно отсталых и физически неполноценных детей, расширение полномочий молодежных служб и пр.). Руководство СДПГ старалось найти контакты с «бунтующей молодежью», представить свою партию как партию перемен и реформ в противовес консерваторам из ХДС/ХСС, стремилось увести молодежное движение в русло реформизма.

В июле 1967 г. эксперт СДПГ по проблемам высшей школы Г. Ингензаид заявил, выступая перед фракцией партии в бундестаге, что «невозможно, а политически несостоятельно, против тысяч и десятков тысяч молодых людей действовать при помощи полиции». Председатель СДПГ В. Брандт и другие социал-демократические лидеры признавали, что движение протеста молодежи возникло в результате серьезных кризисных явлений в западногерманском обществе и искали наиболее эффективные пути воздействия на молодежь, проводя сравнительно «либеральную» политику по отношению к ней. Так, если в период бурных выступлений молодежи в апреле 1968 г. министр внутренних дел христианский демократ Э. Бенда заявил, что «всякая антипарламентская акция противна конституции и должна встречать решительное противодействие», то социал-демократ Г. Шмидт ограничился призывами не прибегать «в политических разногласиях к насилию, а лишь к критике, контркритике, не к огульным обвинениям и приговорам, а к размежеванию, не к разрушению и свержению, а к проявлению энергичной воли к реформе».

Конечно, подобная линия не исключала поддержки социал-демократами в ряде случаев репрессивных мер против выступлений молодежи. На съезде СДПГ в Нюрнберге (март 1968 г.) В. Брандт, анализируя причины некоторого падения влияния партии среди молодежи, отметил, что СДПГ не сумела своевременно пойти навстречу ей и поэтому «многие молодые люди обращаются не только против устаревших структур, но и критикуют социал-демократию». Различие опыта и отношения к ценностям привело к тому, что «оборвалась связь между поколениями». В. Брандт

говорил, что если молодежь признает «социальное федеральное государство и европейский общественный порядок», то партийное руководство согласно обсудить ее требования с ее представителями⁶. Большинство выступавших поддержали линию В. Брандта на установление «диалога с молодежью», хотя в СДПГ были и другие точки зрения по вопросу об отношении к молодежи. По решению съезда партийное руководство 1969 г. провело в Бад-Годесберге молодежный конгресс. На нем преобладали представители студенческих групп, находившихся под сильным влиянием леворадикальных, порой экстремистских взглядов. Это определило неорганизованный характер конгресса. Тем не менее его участники выдвинули ряд общих требований:

(признаний ГДР, реформы высшей школы, отказа от законопроекта о «предупредительных мерах» против участников вне парламентской оппозиции, обсуждавшегося бундестагом). Кризис доверия молодежи к руководству СДПГ на конгрессе не был преодолен. Однако В. Брандт, Г. Венер, Г. Шмидт, присутствовавшие на нем, стремились сделать все возможное для нормализации отношений с молодежью.

В. Брандт выступил с докладом «Молодое поколение и будущее демократии». Стараясь не вступать в дискуссию по острым вопросам с представителями молодежи, он признавал, что в ФРГ существует противоречие между декларированными конституцией правами и действительностью. В. Брандт говорил о «социализме», который устранил противоречия, присущие современной ФРГ. Однако, он будет осуществлен не путем «дикого, слепого, неконтролируемого натиска», а в результате «терпеливой, постоянной работы на благо истины...», процесса «дисциплинированной революции».

Таким образом, в политике СДПГ по отношению к молодежи с конца 60-х гг. наметилось два направления: выдвижение проектов различных реформ, учитывающих некоторые реальные потребности и направленных на определенное улучшение положения молодежи, расширение ее прав в обществе и смягчение эксплуатации, создание условий для культурного

развития и попытки установить постоянный «диалог» с молодежью и ее организациями, привлечь их к сотрудничеству с партией. Соглашаясь с критикой отдельных сторон общественного устройства ФРГ, призывая к совместным усилиям в его «усовершенствовании», выдвигая новые лозунги в духе «основных ценностей демократического социализма», руководству СДПГ удалось привлечь на свою сторону широкие круги молодежи, ослабить её недовольство.

Этому способствовала реалистическая внешнеполитическая платформа, выдвинутая партией перед выборами в бундестаг 1969 г., означавшая разрыв с рядом окончательно устаревших установок правительства во главе с ХДС/ХСС, а также обещания «не бояться расширения демократии» в обществе. Поддержка молодежи явилась решающим фактором, обусловившим успех СДПГ на выборах 1969 г.

Заключение

События 1968 г. имели немало общественно-политических и социальных последствий, хотя напрямую ни в организационном, ни в идейном плане выразители "духа 68-го" не добились победы.

Активное вовлечение студенческой молодежи в общественно-политическую жизнь имело важное значение для развития социального движения в Западной Европе и в Северной Америке в дальнейшем. Еще долгий отрезок времени после 1968 г. молодежное и студенческое движение испытывало большое влияние идей «новых левых».

Радикализация студенческого движения в "третьем мире" происходила во многом под влиянием событий в Западной Европе в конце 60-х гг. XX в. Бунтарский дух 1968 г. оказал воздействие на качественный и количественный рост социальных неправительственных организаций в Западном мире, на усиление влияния антимилитаристского и антиядерного движения в различных странах НАТО.

События конца 1960-х гг. не могли не оказать воздействия на эволюцию левого движения. Они знаменовали усиление разочарования молодежи в ведущих направления международного левого движения — коммунизме и социал-демократии.

Практически нигде события 1968 г. не привели к серьезному и долговременному всплеску крайне левых сил. Однако наиболее экстремистские антикапиталистические элементы движения 1968 г. перешли в своих странах (ФРГ и др.) к террористическим методам борьбы: в 1970-е гг. проявления левого терроризма имели место в самых разных развитых капиталистических странах.

Не менее знаковыми явились и "культурологические" последствия бунтарской поры конца 60-х гг. XX в. Сами лозунги, популярные в ходе молодежных волнений 1968 г. ("запрещено запрещать"; "хотим всего и сейчас" и т.д.) свидетельствовали о "жизнелюбивом" характере "студенческой революции". Радикально настроенная молодежь желала не

только порвать с капиталистическим способом производств, но и вырваться из моральных пут консервативного буржуазного общества. "Дух 68-го" находился в явном противоречии с ценностями буржуазной и религиозной морали. Во многом события 1968 г. ослабили влияние и авторитет государства, его институтов, так же как и религии, в ведущих западных странах.

Идеи, популярные среди радикальной студенческой молодежи, способствовали развитию сексуальной революции в западных обществах, что нанесло ущерб традиционному институту семьи, увеличило количество разводов, неполных семей и процент внебрачных детей.

Люди "поколения 68-го года" были полны решимости покончить с "ханжеской половой моралью", характерной, с их точки зрения, для буржуазного общества. Одновременно, во многом под воздействием событий конца 1960-х гг. в разных странах Западной Европы и США происходит резкий подъем феминистского движения, как правило, связанного с левыми силами.

Молодежная субкультура конца 1960—1970-х гг. в западном мире носила подчеркнуто плюралистический и "антисистемный" характер. Данная тенденция проявлялась, в частности, в повсеместном развитии в Западной Европе и Северной Америке легких наркотиков.

Изменения затронули также музыкальную молодежную культуру, что проявилось в развитии различных направлений рок-музыки. Значительная тенденция музыкальной молодежной культуры на Западе была связана в 1960—1970-е гг. с движением "битников" — фанатов английской группы "Битлз", среди которых было немало людей с антикапиталистическими и даже анархистскими взглядами.

Эволюция молодежной субкультуры в Западной Европе шла во многом под влиянием веяний, приходивших в Европу из-за океана, из Соединенных Штатов.

В целом, "культурологическое" значение "революции" 1968 г. заключалось в развитии различных нон-конформистских тенденций, носивших объективно оппозиционный характер по отношению к консервативной культуре и морали. Эти события дали серьезный толчок для дальнейшей модернизации западных обществ.

Список источников и литературы

Источники:

1. Coser L. The Function of Social Conflict. Glencoe, 1956. 211 p.
2. Вэйг, Т. Телемечтатели. Фракция Красной Армии, 1963–1994 [Текст] / Том Вэйг. — Гродно : ГОУПП "Гродненская типография", 2004. — 128 с. — ISBN 985-6339-43-X.
3. Davies J.C. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. 1962. № 27 (February). P. 5–19. Козер Л. Основы конфликтологии. СПб.: Светлячок, 1999. 216 с.
4. Adrian, J. Death of a Pirate: British Radio and the Making of the Information Age [Text] / Adrian Johns. — New York : W. W. Norton & Company, 2012. — 336 p. — ISBN 978-0-393-34180-5.
5. Klimke, M., Scharloth, J. 1968 in Europe: A History of Protest and Activism [Text] / M. Klimke, J. Scharloth. — New York : Palgrave Macmillan, 2008. — 344 p. — ISBN: 978-0-230-60620-3.
6. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии [Текст] = L'Être et le néant: Essai d'ontologie phénoménologique / Жан-Поль Сартр ; пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. — Москва : Республика, 2002. — 639 с. — (Мыслители XX века). — ISBN 5-250-02729-6.

Литература:

7. Skocpol T. States and revolutions: A comparative analysis of France, Russia, and China. Cambridge: Cambridge univ. press, 1979. 407 с.
8. Tarrow S. Power in Movement. Cambridge: Cambridge univ. press, 1994. 265 p.
9. Tilly Ch. From Mobilization to Revolution. Englewood Cliffs, 1978. 349 с.

10. Watson, K. The 1960s The Decade that Shook Britain [Electronic resource] / Kimberley Watson // Historic UK. — [S.l. : s.n.], 2016. — Mode of access : www.historic-uk.com/CultureUK/The-1960s-The-Decade-that-Shook-Britain/
11. Баталов, Э. Я. Философия бунта. (Критика идеологии левого радикализма) [Текст] / Э. Я. Баталов. — Москва : Политиздат, 1973. — 222 с.
12. Большаков В.В. Бунт в тупике. М.: Молодая гвардия, 1973. 365 с
13. Быховский, Б.Э. Философия мелкобуржуазного бунтарства [Текст] / Б. Э. Быховский // Коммунист. — Москва : Правда, 1969. — № 8. — С. 112 – 124.
14. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют / пер. с англ. В. Анури- на. СПб.: Питер, 2005. 461 с.
15. Грачев, А. С. Поражение или урок? Об опыте и последствиях молодежных и студенческих выступлений 60–70-х годов на Западе [Текст]. — Москва : Молодая гвардия, 1977. — 223 с.
16. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 9–12.
17. Замостьянов, А. Молодежная революция к сорокалетию событий 1968-го [Электронный ресурс] / А. Замостьянов // Православие.RU. — [Б. м. : б. и.], 2008. — Режим доступа : www.pravoslavie.ru/smi/37092.htm
18. Кара-Мурза, С. Экспорт революции [Текст] / Сергей Кара-Мурза. — Москва : Алгоритм, 2005. — 528 с. — (Народ против). — ISBN 5-9265-0197-0
19. Кнабе, Г. Феномен рока и контркультура [Текст] / Г. Кнабе // Вопросы философии. — 1990. — № 8. — С. 40.
20. Кон, И. С. Социологическая психология [Текст] / Игорь Кон . — Воронеж : НПО «МОДЭК», 1999. — 560 с. — (Серия

21. Кон, И.С. Студенческие волнения и теория «конфликта поколений» [Текст] / И. С. Кон // США: экономика, политика, идеология. — Москва : ИСКРАН, 1971. — № 3. — С. 63 – 75.

22. Кукаркин, А. В. Буржуазная массовая культура: Теории. Идеи. Разновидности. Образцы [Текст] / А. В. Кукаракин. — 2-е изд., доработ. и доп. — Москва : Политиздат, 1985. — 108 с.

23. Курлански, М. 1968: год, который потряс мир [Текст] = The Year That Rocked The World / Марк Курлански ; [пер.: А. Короленков, Е. Семёнова]. — Москва : АСТ, 2008. — 544 с. — ISBN: 978-5-17-045995-7.

24. Михайлов, А. Д. Франсуа Вийон [Текст] / А. Д. Михайлов ; [АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького] // История всемирной литературы: в 9 т. — Москва : Наука, 1985. — Т. 3. — с. 221-225.

25. Молчанов, Н. Н. Генерал де Голль [Электронный ресурс] / Молчанов Николай Николаевич. — Москва : Международные отношения, 1980. — 502 с. — Режим доступа : militera.lib.ru/bio/molchanov_nn01/index.html

26. Мяло, К. Г. Социальная динамика майского движения [Текст] / К. Г. Мяло // Вопросы философии. — Москва : Наука, 1969. — № 6. — С. 47 – 58.

27. Нынешние волнения среди студентов ДВФУ – это репетиция перед большим бунтом [Электронный ресурс] // Primamedia.ru: ежедневное интернет-изд. — [Б. м. : б. и.], 2011. — Режим доступа : primamedia.ru/news/primorye/30.09.2011/173121/nineshnie-volneniya-sredistudentov-dvfu-etorepetitsiya-pered-bolshim-buntom.html

28. Орлова, Е. В. Политизация некоторых направлений рок-музыки за рубежом [Текст] / Е. В. Орлова // Культура и искусство за рубежом. Экспресс-информация. — [Б. м. : б. и.], 1985. — Вып.1. — С. 6-18.
29. Рассел, Д. Студенческое движение в ФРГ и Западном Берлине (1960-е) / Джесси Рассел. — Москва : VSD, 2012. — 64 с. — ISBN 978-5-5132-3955-0
30. Салычев, С. С. Левое студенческое движение в странах капитала [Текст] / С. Салычев. — Москва : Наука, 1976. — 310 с.
31. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. 687 с.
32. Сухина, И. Г. Экологический императив в контексте проблемы отношения человека к природе : монография [Текст] / И. Г. Сухина. — Донецк : МЧП «ВИК», 2006. — 124 с.
33. Схивия, А. Красный май – 68 [Электронный ресурс] / А. Схивия // Революция.RU. — [Б. м. : б. и.], 2013. — Режим доступа : www.revolucia.ru/may68.htm
34. Тарасов, А. In memoiam anno 1968 [Текст] / А. Тарасов // «Забриски Rider». — Москва : Маргарита Пушкина-Линн, 1999. — № 8. — С. 16-17.
35. Хевеши, М. А. Антикапиталистический бунт «новых левых» [Текст] / М.А. Хевеши, под ред. М.М. Федорова ; [Рос. акад. наук, Ин-т философии] // От абсолюта свободы к романтике равенства (Из истории политической философии). — Москва : ИФРАН, 1994. — С. 195–212. — ISBN 5-201-01849-1.
36. Чижова, А. И. Рок музыка как культурно-исторический феномен [Текст] : дисс. канд. искусствоведения. — Москва, 1993. — 103 с.